

НИЧЕГО «ПОЛЬШЕ БЕЗ ПОЛЬШИ

ИНТЕРВЬЮ С ГЛАВОЙ МИД ПОЛЬШИ
РАДОСЛАВОМ СИКОРСКИМ

Gazeta Wyborcza: В своей берлинской речи в 2011 году вы говорили, что Польша поможет Европейскому Союзу решать его проблемы. Это не было обещанием на вырост? Мы действительно способны быть серьезным европейским игроком?

Радослав Сикорский (Radosław Sikorski): Я вижу Польшу в группе европейских «властей предержавших» — пяти-шести стран, без согласия которых в Евросоюзе не принимаются никакие решения. Впрочем, таким статусом мы обладаем уже во многих сферах, например, в энергетической и восточной политике. Семь лет назад мы могли об этом только мечтать, а сейчас мы играем в решении этих вопросов важную роль.

Еще никогда раньше западные страны не уговаривали нас вступить в свои «клубы», а сейчас, каждый раз когда я разговариваю с немецкими или французскими коллегами, я слышу вопрос: «Когда же вы примете евро?» Нас воспринимают как страну, которая принесет в еврозону силу, а не создаст ей дополнительные проблемы.

Польше очень помогает то, что она представляет интересы Вышеградской группы и других стран нашего региона. Сейчас как раз подходит к концу срок нашего председательства в Группе. Между ее членами создаются новые энергетические связи, мы координируем наши позиции перед европейскими встречами, мы вместе боролись за европейский бюджет.

Мы устроили даже собственный велопробег из Будапешта в Краков. Можно смело сказать, что Вышеград стал такой же узнаваемой маркой в ЕС, как Бенилюкс или Северный совет.

Однако нашу позицию определяет не размер наших амбиций или дипломатическая ловкость, а реальный вес. Мы не можем закрепиться на позиции одного из основных игроков ЕС, просто время от времени ударяя кулаком по столу. Все решают ресурсы. Нам нужно в два раза увеличить свой экономический потенциал, стать источником инноваций, быть в состоянии обеспечить собственную безопасность.

Нам еще предстоит огромная работа, но этих целей можно достичь в рамках одного поколения. Не следует забывать, что своей сегодняшней сильной позицией Польша обязана стабильному правительству, крепкой экономике, а одновременно слабости других стран, погрузившихся в кризис.

— Как вы оцениваете наши отношения с Россией, которая старается восстановить свое влияние на постсоветском пространстве?

— Польско-российские отношения были и будут оставаться сложными, поскольку во многих сферах наши интересы расходятся.

Радослав Сикорский / Radosław Sikorski

Официальная политика Российской Федерации направлена на евразийскую интеграцию, то есть этот проект является конкурентом интеграции европейской. Москва хотела бы даже, чтобы у Евразийского союза в будущем появились комиссии и институты, представляющие собой аналог Еврокомиссии. Этого расхождения в интересах нам не преодолеть. Россия видит Украину в Евразийском союзе, а Польша — в ЕС. Аналогично и в отношении Белоруссии, хотя в данном случае дело еще более сложное.

То же самое в плане энергетики: Россия, что совершенно понятно, хотела бы продавать свой газ как можно дороже, а мы — покупать его как можно дешевле. Москве не по вкусу антимонопольное разбирательство против Газпрома и внедряемое в Европе разделение продавцов газа и операторов газопроводов.

Однако эти расхождения не исключают возможности сотрудничества. Больших успехов добилась польско-российская Группа по сложным вопросам, которая состоит из профессиональных польских и российских историков, занимающихся нашим наследием XX века. Они говорят о трагических событиях истории практически в один голос.

Это большое достижение, поскольку польско-российское сближение может происходить только на фундаменте правды.

Состоялся очень важный визит в Польшу главы Православной Церкви патриарха Кирилла. Продолжается дипломатический диалог, хотя проблемные моменты в нем остаются. Мне непонятна неготовность российской стороны вернуть Варшаве

ПЕРВОИСТОЧНИК

обломки разбившегося под Смоленском президентского «туполева»: ведь они не представляют для россиян никакой ценности. Мы продолжим напоминать Москве о нашей собственности.

— Вы говорите о сотрудничестве с Россией, а Запад все громче критикует Москву и возмущается тем, что Владимир Путин «закручивает гайки» российскому обществу. А, например, российско-немецкие отношения не были настолько прохладными с 80-х годов.

— Одновременно шесть тысяч немецких компаний (и все больше польских) успешно ведут в России бизнес. Плохие отношения между Россией и ЕС не в наших интересах. Нам невыгодно, чтобы за польской границей вновь появился цивилизационный разлом, а Польше пришлось брать на себе роль граничного бастиона Европы.

Нам бы хотелось, чтобы Россия заключила с Евросоюзом договор о партнерстве и сотрудничестве, благодаря которому мы могли бы строить наши отношения на совершенно конкретном правовом фундаменте. Европейские предприниматели перестали бы бояться инвестировать в Россию, получили бы защиту, а одновременно исчез бы риск политических бойкотов или эмбарго.

— На примере скандала вокруг желания россиян купить акции компании Azoty Tarnów видно, как легко спровоцировать в Польше антироссийскую истерию.

— Эту истерические настроения провоцирует партия «Право и Справедливость» (PiS), а они передаются другим. То что Ярославу Качиньскому (Jarosław Kaczyński) (который по своему собственному признанию делит поляков на патриотов и предателей) удастся шантажировать общество своими эмоциями, можно назвать его большим успехом.

Я считаю, что к серьезным предложениям необходимо подходить серьезно. Москва — наш второй по величине торговый партнер. Сотни тысяч рабочих мест в Польше завязаны на товарообороте с Россией. Благодаря договору о малом приграничном движении между Калининградской областью и северо-восточным регионом Польши обороты многих магазинов на нашей стороне выросли на 30%. Напомню, что «Право и Справедливость» выступала против этого договора и называла малое приграничное движение проектом «Восточная Пруссия». Сейчас же представляющие ту же партию старосты некоторых районов Варминско-Мазурского воеводства шлют в МИД жалобы, что их не включили в этот проект.

— Американцы отказались от реализации четвертой фазы развертывания системы ПРО, которая предусматривала размещение в Польше ракет-перехватчиков SM-3. Как отреагировали на это решение россияне, полагающие, что американские ракеты угрожают их безопасности?

— В ходе прошедшей в Варшаве встречи «Калининградского треугольника» министр Лавров подтвердил позицию Дмитрия Медведева, заявив, что если в Польше не будет реализована четвертая фаза проекта ПРО (то есть не появится еще несуществующих американских антиракет), то россияне не станут размещать в Калининградской области ракеты среднего радиуса действия типа «Искандер». Мы поймали его на слове.

— А что говорят американцы?

— Американская администрация торжественно нам пообещала, что база американской системы ПРО под Слупском будет создана в таком формате, который сможет защитить Европу, но не окажет влияния на межконтинентальный российский потенциал. Мы реалисты и понимаем, что в плане ПРО США будут руководствоваться своей оценкой международной ситуации и состояния военного бюджета. Но было бы неплохо, если бы эти обещания воплотились в жизнь: тогда в Польше появилось бы две американские базы. Сейчас на базу в Ласке (Łask) прилетают американские истребители F-16, их экипажи обучают поляков.

В отличие от предыдущего правительства в ходе переговоров по ПРО мы ставили условия. Правительство «Права и Справедливости», как руководство Чехии, было готово взять не глядя все, что предлагали американцы. В итоге чехи не получили ни радара, который должен был стать элементом системы ПРО, ни чего-либо взамен.

— Чего можно ожидать от саммита «Восточного партнерства», который пройдет в конце ноября в Вильнюсе?

— План максимум подразумевает подписание с Украиной соглашения об ассоциации и завершение переговоров по соглашениям с Молдавией, Грузией и, возможно, даже Арменией.

Если так получится, это будет огромный успех «Партнерства». Патронируемый Францией аналогичный проект «Союз во имя Средиземноморья» (направленный на южных соседей ЕС), существует в три раза дольше, но у него нет перспектив выработать подобные договоры с какой-нибудь из стран Северной Африки.

— Вопрос в том, дойдет до подписания этого соглашения, раз президент Виктор Янукович не хочет выпускать из тюрьмы Юлию Тимошенко, которая была приговорена к семилетнему заключению за подписание невыгодного газового договора с Россией.

— В конце апреля я в очередной раз ездил в Киев вместе с министрами иностранных дел Литвы, Голландии и министром Дании по европейским вопросам. Это удачный формат переговоров: один министр представлял бы только свою страну, а четверо уже представляют весь Евросоюз. Встреча с Виктором Януковичем должна была продолжаться 45 минут, но длилась в три раза дольше, и она вдохнула в меня надежды.

Во-первых, у меня сложилось впечатление, что украинский президент прекрасно осознает, какой переломный момент наступил для его страны, и понимает, какая историческая ответственность за решение с кем будет интегрироваться Украина — с Востоком или с Западом — лежит на нем самом.

Во-вторых, Янукович, как кажется, понял, что время на выполнение условий, касающихся реформы системы правосудия, подходит к концу. Без них соглашения об ассоциации не будет. Наконец, Янукович знает, что в вопросе Юлии Тимошенко его уже прижали к стене.

Самой важной для меня была готовность оппозиции взаимодействовать с правительством и президентом, чтобы как можно быстрее принять необходимые законы, которые позволят подписать соглашение. Я никогда не видел раньше на Украине такой ситуации, когда оппозиция (кто бы ее ни представлял) была готова идти на сотрудничество с властями.

Более того, представитель националистической партии «Свобода» сказал мне, что он даже не думал, что когда-нибудь назовет Польшу главным другом Украины. Все это вселяет надежду на то, что Киев добьется успеха. [...]

— Но, возможно, украинцы в отличие от сербов просто не чувствуют себя европейцами и (не считая группы т.н. западников) предпочитают укреплять отношения с Россией?

— Разумеется, между Украиной и Россией существуют тесные связи. Здесь работает мягкое воздействие посредством российской культуры, СМИ, а многие украинцы ездят в Россию работать. Большинство украинцев не переживают того, что переживали 20 лет назад мы: острого желания как можно быстрее вновь стать частью Запада. Во многих местах в ментальном смысле там остался Советский Союз.

Между тем пара вещей все же произошла. На Украине уже невозможно остановить процесс возрождения национального самосознания: во всех школах идут занятия на украинском языке, а, например, в Белоруссии продолжается «советизация» школ — белорусский язык из них изгоняется.

С одной стороны, реалии бизнеса говорят в пользу укрепления связей с Востоком: Украина экспортирует гораздо больше товаров в СНГ, чем в ЕС.

Однако любой серьезный бизнесмен хотел бы работать в условиях цивилизованных стандартов — в плане законов или публичной администрации. Я разговаривал со многими украинскими предпринимателями, они уже давно подсчитали, сколько бы стоили их компании, если бы они котиrowались на лондонской, а не на киевской бирже, или если бы киевская биржа считалась европейской. Многие стали бы в два-три раза богаче. И это важный аргумент в пользу Европейского Союза. [...] ▲